

Герман
Садулаев

ЖАБЫ И ГАДЮКИ

Русский город
СОВРЕМЕННАЯ
ПРОЗА

Герман Садулаев

Жабы и гадюки.

**Документально-фантастический
роман о политической жизни
и пути к просветлению
в тридцати трёх коэнах**

«Издательские решения»

Садулаев Г.

Жабы и гадюки. Документально-фантастический роман о политической жизни и пути к просветлению в тридцати трёх коэнах / Г. Садулаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854615-0

Постпелевинская проза со знакомым садулаевским акцентом. Беспощадная ирония и самоирония. Злой и гомерически смешной текст. Про выборы, политику, национализм, про литературу и, как всегда, про индийскую философию в неожиданном ключе. Многие узнают себя, некоторые будут уязвлены и взбешены. Nobody cares. Всем плевать. Так кто же на самом деле правит миром?

ISBN 978-5-44-854615-0

© Садулаев Г.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	8
3	9
4	11
5	12
6	13
7	14
8	15
9	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Жабы и гадюки
Документально-фантастический
роман о политической жизни
и пути к просветлению
в тридцати трёх козлах

Герман Садулаев

Издательство «Русский город»

© Герман Садулаев, 2018

ISBN 978-5-4485-4615-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

В августе-сентябре 2016 года мы были смяты превосходящими силами противника. Мы сражались в кольце окружения. У меня было такое чувство, что мы с трёхлинейками, у нас по два патрона на винтовку, а вокруг нас сшибаются танковые армады, над нами кружат карусели воздушных армий и непрестанно грохочет артиллерия, а мы стоим и обороняем ото всей ужасной роскоши могучих врагов свой крохотный плацдарм, свои шесть процентов.

По ночам титаны Кобелёва с билбордов шли на великанов с рекламных щитов Савлова, но выскакивали из переулков бородатые тролли Мильдонова и втыкали заточки во вражьи бока и обагрляли свои бороды, жадно припадая к ранам и хлебая бьющую фонтаном кровь. Такие мне снились сны.

Но, может, мне только казалось. Может, это аберрации моего туннельного зрения. Когда мы ехали по округу с Иваном Шимодой (я вёл машину, Иван Шимода сидел на переднем кресле рядом со мной) и я посетовал на тотальное превосходство Кобелёва в воздухе, Савлова – на земле, а Мильдонова – под землёй, то Иван Шимода не понял, о чём я тревожусь. Оказалось, что он не замечает никакой наружной рекламы. Никакой наглядной агитации. Билборды, ситибоксы, лайтбоксы и прочее для него были то же самое, что дома, деревья, облака. Часть городского пейзажа. И я внезапно понял, что, возможно ведь и такое, что жители города давно не читают никакой рекламы. Не запоминают. Не обращают внимания.

Это меня потрясло. И мы немедленно решили провести эксперимент. У нас был заказан один шикарный билборд, видный как с проезжей части, десяткам тысяч проезжающих в автомобилях, так и с тротуаров, всем пешеходам. Всего один билборд. Он всё равно не помог бы нам в предвыборной агитации. Поэтому мы решили пошутить. Мы повесили на целый месяц многометровый плакат, где было написано огромными чёрными буквами: НИЧЕГО НЕТ. И больше ничего. Хотя, нет. Пришлось внизу очень мелкими буквами приписать выходные данные: о том, что агитация оплачена из фонда кандидата в депутаты Государственной Думы седьмого созыва Эрманариха Казбековича Сагалаева.

Текст, конечно, придумал не я. Это был он, Иван Шимода. Никакой реакции публики на плакат не было. То ли не заметили. То ли решили, что это начало новой хитро выдуманной рекламной кампании стирального порошка. Или партии «Справедливая Россия». Шимода сказал мне: вот видишь, Эрманарих Казбекович. Не бойся. Все танки врагов сделаны из картона, самолёты бумажные, пушки – простой фейерверк, а пули нарисованы в корел дроу.

И я плакал у него на плече.

Потом мы всё равно проиграли. И я сказал Ивану Шимоду, который был слишком, по-моему, спокоен: вообще-то я нанял тебя для того, чтобы ты помог мне одержать победу на выборах. Шимода покачал головой и сказал: нет. Ты позвал меня для того, чтобы одержать победу над выбором.

Я спросил: что это за новый коэн? Шимода сказал: это очень старый коэн. Старый, как демократия в России. Вот, к примеру, живёт человек. Он каждый день ходит в магазин и выбирает. Нежирный кефир или жирный. Кура или мясо. Рис или греча. Водка или пиво. На самом деле никакого человека нет. Но постоянная ситуация выбора позволяет создавать иллюзию какого-то человека, который выбирает. То же самое и Россия.

Я сказал: ну да. Это все говорят. Что нет никакого выбора. Одна только иллюзия. Не из кого выбирать. Да и не позволит никто выбрать. Шимода сказал: ты опять ничего не понял. Выборы есть. Нет того, кто мог бы что-нибудь выбрать. А выборы нужны, чтобы сохранять иллюзию. Что вот, мол, есть Россия. Государство. Народ в ней живёт. И всё это кого-то куда-то выбрало. А на самом деле давно уже ничего нет. Да и не было никогда.

Я сказал: ты, Шимода, только не вздумай на публике такое сказать. А то подумают, что мы либералы. Что Крым не наш. А мы патриоты. Красно-коричневые. И Шимода сказал: что ты! Я сам патриот. И Крым наш. И всё вообще наше. И американцы на Луне никогда не были. Какой из меня либерал? Либералы – это которые за свободу для частной буржуазной личности. А какая может быть свобода для личности, когда никакой личности нет? Не только идея свободы, но и сама идея личности – это мелкобуржуазное заблуждение, пришедшее к нам с загнивающего Запада, я так считаю.

Я сказал: ну вот. Свободы нет. Личности нет. России нет. Что же тогда есть, Шимода? НИЧЕГО НЕТ? И Шимода ответил: нет. Ничего – есть.

2

Упаси меня Бог писать собственную биографию. Нет лжи более чудовищной и не может быть, чем автобиографический роман, созданный сочинителем якобы о самом себе. В фантастической повести, где космические ящерицы сражаются с галактическими жабами за обладание планетой в далёком созвездии Змееносца, вы найдёте больше достоверных деталей о жизни и характере автора, чем в его автобиографии. Ложь, дезинформация и фальсификации – вот из чего состоят все без исключения автобиографические тексты.

Никто не виноват. Просто так устроен человек, что попроси его рассказать о себе, как он сразу начинает безудержно врать. Самым значительным автобиографическим романом советской литературы была «Как закалялась сталь» Николая Островского, книга, в которой нет ни слова правды об авторе. Самый значительный из русских писателей современности, Эдуард Лимонов, в каждой своей новой книге неудержимо лжёт о себе и своих знакомых. Даже у меня, сочинителя второго или третьего эшелона в современной русской литературе, есть три или четыре книги, написанных на так называемом автобиографическом материале. Все они, три или четыре, словно бы про совершенно разных людей, а объединяет эти непохожие произведения только одно – в каждой строчке ложь и выдумки. Так что не приведи Господь.

Если я когда-нибудь опубликую этот роман, то лишь для того, чтобы поведать миру об Иване Шимоде, с которым небо свело меня на короткие полтора месяца моей предвыборной кампании. Однако, следуя законам жанра, я начну с правдивого рассказа о самом себе.

3

Я родился в 1975-м году в Карачаево-Черкесии. Это было большой ошибкой с моей стороны. Если бы я знал, куда всё потом развернётся, я бы озаботился рождением в более подходящей обстановке. Но тогда никто ничего не знал. Все были счастливы. И думали, что счастье продлится вечно.

Карачаево-Черкесия – самое нелепое гибридное образование, которое только можно себе представить. Что-то вроде Австро-Венгрии, только хуже. Негро-Индия. Папуа-Эскимосия. И кто там должен был жить, в Карачаево-Черкесии? Карачаево-черкесы? Овцебыки? Конезайцы? Лисокуры? И ведь совершенно рядом находился другой такой же уродливый гибрид: Кабардино-Балкария. Кабардинцы и черкесы – это один и тот же народ. А карачаевцы и прочие балкарцы – совсем другой, другого корня. Почему было не создать Кабардино-Черкесию и Карачаево-Балкарию? Наверное, были какие-то исторические и административные причины. А в результате получилось криво.

Но мало мне было родиться в республике с таким кентаврическим именем. Меня ещё и угораздило попасть в смешанную семью. Да, я и есть этот самый волкомышь. Опытный гибрид. Причём второго уровня. Потому что гибридом первого уровня стал ещё мой отец. Он и есть самый натуральный житель Карачаево-Черкесии. Карачаево-черкес. Мой дедушка был черкесом. А бабушка – карачайкой. Хотя фамилия наша совсем не черкесская – Сагалаевы. Чорт знает, откуда у нас такая фамилия. У бабушки фамилия была Савирова. Похоже, среди карачаевцев она сама была пришлой, от древних савиров. А вот моя родная мама была совсем не с Кавказа. Она была из Молдавии. Но тоже не молдаванкой. Мама моя была из племени гагаузов. Которые произошли от печенегов.

Кем же ощущал себя я? Русским, конечно! Читая исторические труды, коими полна была отцовская библиотека, книжки про всяческих ясов, касогов и печенегов, я почему-то даже на минуту не отождествлял себя ни с касогами, ни с печенегами. А всегда только с русами. Может быть, потому, что русы были главными героями в этих книжках. На полном серьёзе я просил отца, чтобы он переименовал меня. Собственное имя мне не нравилось. Ну, в самом деле, какому ребёнку понравится, что его зовут Эрманарихом? Я хотел, чтобы меня называли Святополком.

Вряд ли я смог бы тогда даже подумать о том, что я не имею на это права. Что я ведь не то что не чистый рус, а совсем даже не русский. Да и не черкес, не карачай и даже не гагауз. Что я «дворянжка». Вряд ли я мог бы тогда понять, что это плохо. Ведь тогда всё это не имело никакого значения. Папа и мама были комсомольцами и встретились на какой-то комсомольской стройке, в студенческом стройотряде. Советский человек не то чтобы не имел нации, он мог иметь любую нацию, какую только хотел – записаться в паспорте русским или якутом, карелом или татаринком. И никто никогда ни у кого не требовал справки относительно чистоты происхождения, результатов замера черепа и генетической экспертизы. После 1945-го года сама постановка вопроса о расовой или национальной чистоте считалась преступлением.

Но всё изменилось. И как-то сразу, в одночасье, вся бывшая советская страна превратилась в одну большую собачью выставку. И стали ходить по стране эксперты, и заглядывать каждому под хвост, и замерять экстерьер, и смотреть документы родителей, и выдавать сертификаты о чистоте породы, а самым чистопородным – медали.

Если бы я знал об этом заранее, я бы постарался родиться чистым гагаузом в гагаузской деревне, где гагаузы все, даже собаки, кошки и домашняя птица. И тогда бы я смог стать этнически чистым и аутентичным гагаузским писателем и вещал бы о печенегах и обязательно про геноцид, а какая-нибудь добрая европейская страна меня бы за это приютила и давала бы

гранты. А я бы ходил в гагаузской рубашке, и на груди у меня была бы медаль – победитель выставки чистокровных гагаузов. И я бы читал немцам лекции о том, как тяжело сохранить свою идентичность, будучи единственным гагаузом в этой растворяющей все культуры как соляная кислота демократической Европе, и демократическая Европа, плача, кормила бы и поила меня своим берёзовым соком, а если бы на Гагаузию вдруг напала Россия, то – профит!!! – мне дали бы Нобелевскую премию.

4

Но я даже ни разу не был в Молдавии, у гагаузов. Мама моя умерла, когда я был ещё маленьким. Помню, что у мамы было круглое, молодое, красивое лицо. И что она красила губы ярко-красной помадой. Больше ничего про маму не помню.

Отец через три года привёл в дом мачеху. Она была старше отца. И не то чтобы зла ко мне, а, скорее, безразлична. У мачехи были свои дети от предыдущего брака. Так у меня появились сводные брат и сестра. Нет, мы не подружились.

Русский сочинитель Лев Гумилёв ошибался, называя Владимира Крестителя сводным братом Ярополка. Владимир был сыном Святослава от наложницы Малуши, а Ярополк – от жены, или от одной из жён Святослава. Значит, Ярополк и Владимир были не полнородными, но единокровными братьями. А Джучи, старший сын Чингисхана, рождённый от любимой жены Чингисхана, красавицы Бортэ, но после её пленения меркитами, приходился другим сыновьям Чингисхана от Бортэ, скорее всего, единоутробным братом. То же и младший сын Бортэ, Тулуй. А сводными братьями были Джучи с Тулуем остальным сыновьям Чингисхана, рождённым не от Бортэ. Они сгинули в пучине истории. Говорят, что чингизиды правят миром, потомки Чингисхана. Но это не так. Правят миром потомки Бортэ, жены Чингисхана, рождённые Бортэ от разных мужчин.

Сводными были и мы, я и дети моей мачехи. У нас ни отца не было общего, ни матери. Нас просто свели в одну семью. И они-то были чистые, чистопородные. Настоящие черкес и черкешенка. Они первые стали называть меня вырождением. Потом уже, когда я стал взрослым и прославился, меня называли бастардом, незаконнорожденным ублюдком, генетическим мусором и отребьем миллионы чистокровных шпицев во всём мире, но, надо отдать должное моим сводным брату и сестре, они были первыми.

5

Мой отец служил при местном педагогическом институте в должности преподавателя истории. Он был историком и по профессии, и по призванию. Он был серьёзным учёным. Поэтому так и не смог стать богатым или знаменитым. Когда пришло время всемирной собачьей выставки, у каждого народца появился запрос на великое прошлое. И началась битва историков. Поднимая прах, пыль и кости мертвецов, историки бросали давно погибшие армии своих предков в яростные схватки за первенство и величие. Сражались за право быть наследниками аланов и тут же скифов. Сражались за развалины каждого храма, за каждую могильную плиту с надписями, за каждую малопонятную строчку в путевых или фантастических заметках древних римлян, арабов, персов и даже армян. И, что кажется странным и удивительным, сражались за право считаться пострадавшими от геноцида, устроенного, конечно, Россией. Через десять или двадцать лет были подписаны первые мирные соглашения. Наследие аланов уступили осетинам (не без оговорок), а геноцид записали себе в актив (около 75%, контрольный пакет АО «Геноцид») черкесы.

Мой отец, профессор Казбек Сагалаев, в этих увлекательных событиях никак не участвовал. Его позиция была скучной, неинтересной. По поводу аланов он говорил, что никаких аланов нет. Раньше были, а теперь нет. Как нет древних греков, финикийцев и египтян. А первый геноцид устроил на Кавказе Тамерлан (который, кстати, и уничтожил аланов как политическую и военную силу). Но кому предъявлять требования о компенсации – непонятно. Гробница Тамерлана – в Самарканде, Самарканд в Узбекистане. Узбеки после того, как отказались от Ленина, стали считать основателем своего государства Тамерлана. Вот пусть и платят.

Черкесские историки сочли высказывание Казбека Сагалаева злой шуткой, и, вспомнив, что Сагалаев – не чистый черкес, а помесь с карачаями, решили, что профессор Сагалаев не может высказывать никаких суждений относительно геноцида черкесов, потому что сам он не является чистым черкесом и ничего знать не может. Ведь каждому чистому черкесу понятно, что геноцид черкесов совсем недавно устроила Россия, и что Россия поэтому должна возместить каждому черкесу весь ущерб, который она, Россия, нанесла его предкам. Мой отец искренне не понимал, каким образом его карачаевская мать, моя бабушка, давно уже покойная, может помешать кому бы то ни было, тем более, своему внуку, изучать исторические источники, письменные и археологические, и делать правильные научные выводы. Профессор Сагалаев говорил, что сама постановка вопроса о геноциде и возмещении неуместна. Что, если вставать в очередь за компенсациями от России, место черкесов в очереди будет далеко не первым, ведь, взять крымских татар, так они потеряли родину недавно, а возвращаться начали позже всех. А пока очередь дойдёт до черкесов, то от России и вершков не останется.

В общем, это всем надоело и моего отца, профессора Сагалаева, уволили из института, перестали публиковать его работы и вообще вычеркнули из листа учёных черкесов. Отец мой сел дома и продолжил писать свой опус магнум – историю готов, которую он вряд ли когда-нибудь допишет до конца и уж точно никогда не опубликует. Чистые черкесские историки были по-своему правы. Сагалаева мало интересовала история касогов-черкесов и прочих кавказских племён. Он жил и дышал готами. Хотя это и так понятно. По моему имени. Ведь он называл меня в честь короля Готии, великого Эрманариха Амала Готского.

6

Я закончил среднюю школу в 1992-м году. Собачья выставка уже гуляла вовсю. Делать мне было в родной Карачаево-Черкесии нечего, и отец отправил меня учиться в Москву. Я поступил в МГУ. На исторический факультет. Вокруг был ужас катастрофы. Мы как-то учились, но сами не понимали, зачем. Как это всегда бывает во времена смуты, люди тянулись к оккультизму и мракобесию. Нет, не все. Нормальные люди тогда тянулись к револьверу и решали вопросы на стрелках. Но я был ублюдком, генетическим мусором. У меня не получилось бы стать ни ментом, ни бандитом. Я записался на курсы астрологии, которые вёл Павел Глоба.

Мне до сих пор стыдно. Я посетил несколько лекций и старательно конспектировал всю ту чушь, которую нёс этот «предсказатель», за всю свою жизнь не сделавший ни одного удачного прогноза. Но вскоре я был разочарован. Главным образом, глядя на своих соседей по креслам, «коллег», будущих «магов» и «астрологов». Это были одинокие женщины, часто старушки. Все они были бедными и некрасивыми. Над «курсами» Глобы висел явственный смог неудачи и плотного человеческого отчаяния, давно сгустившегося в пятый эликсир. Я сбежал, не дослушав оплаченный «курс».

Но там, у Глобы, от кого-то из приспешников «астролога», я узнал про открытый в Москве центр авестийской религии. И скоро я уже был там, среди московских зороастрийцев. А это было другое, весёлое сборище. Там вращалась молодёжь, экспериментировали с наркотиками, пили вино, готовили евразийскую социалистическую революцию, слушали Джемалю, Дугину, читали Мамлеева. И девушки там были. А для начинающего зороастрийца девятнадцати лет от роду наличие красивых девушек – немаловажный фактор для присоединения хоть к религии, хоть к революции, хоть к корпорации лысого чорта.

7

Через год я поехал из Москвы в Туркмению. Там, на развалинах зороастрийского храма, я был посвящён в маги. Я прошёл все испытания. Привратнику, сторожу раскопок мы дали бутылку водки и десять долларов, чтобы он нас не прогонял. Мы зажгли огонь и читали Авесту. Я стал магом, хранителем священного огня и получил новое имя – Вритрагхна, что значит «убийца дракона».

Потом я вернулся в Москву, но пробыл в столице недолго. Маг-супервайзер отправил меня открывать новый храм Ахурамазды. Почему-то в город Сыктывкар. И я организовал общину зороастрийцев и даже открыл храм. Храм мы открыли в бывшей автомастерской, она была из бетона и пожарники разрешили поддерживать вечный огонь. В городе Сыктывкаре я обратил в истинную веру пророка Заратуштры шестнадцать юношей и двадцать одну девушку. Я имел огромный успех. Если вы найдёте газеты того времени, то прочитаете, что Сыктывкар стали называть «городом огнепоклонников».

Это чрезвычайно обеспокоило местное отделение РПЦ. Однажды они устроили специальный крестный ход, чтобы прогнать нас, язычников и огнепоклонников. Я собрал своих адептов, числом тридцать семь, мы надели белые одежды поверх тёплых курток и шуб, взяли в руки факелы, сделанные так, как нас учили в пионерском детстве (красная палка, к ней прибита пустая жестянка, в жестянке – вата, пропитанная керосином) и вышли навстречу крестному ходу с зажжёнными факелами. А дело было тёмным зимним вечером. Крестный ход остановился и запел какую-то заунывную молитву. Мы в ответ грянули гимн из Авесты, переложенный на мелодию «Взвейтесь кострами». Конечно, мы победили.

8

Когда я был маленьким, я много мечтал. От дома до школы было идти два километра тротуаром вдоль главной улицы нашего городка, улицы Ленина. Два километра – это полчаса чистой мечты. Я мечтал о будущем. Мечтал стать великим полководцем, религиозным реформатором, музыкантом, богачом, писателем и поэтом, философом, властителем народов, завоевателем и отшельником, йогом, аскетом, монахом, любимцем женщин. Нисколько не сомневаясь в том, что всё это осуществимо, и не задумываясь, каким образом: одновременно или поочередно?

Не понимал я и того, что не могу стать великим не только во всех областях человеческой деятельности одновременно, или поочередно, но даже и в любой только одной, потому что мне недоставало качеств, которые всегда отличают успешного, выдающегося, тем паче, великого человека. Мне не хватало целеустремлённости, упорства, силы характера и жестокости.

Мне не хватало жестокости. Я был слишком добрым. Помню, у меня был сосед, мальчик из карачаевцев, которого звали Чингис. Чингис имел все задатки победителя, хозяина жизни. Он любил убивать лягушек. И делал это с особой жестокостью. Чингис ловил живую лягушку или, если удавалось – жабу. Затем Чингис обламывал ветку с акации. Ветки акации украшены острыми плоскими треугольными шипами. Чингис собирал шипы для своей операции. Он распинал земноводное на земле, приколов шипами за лапки. Потом вскрывал жёлтое брюхо живой твари самым лучшим, самым большим и острым шипом. Лягушка тряслась, дёргалась, хрипела. Чингис заливисто смеялся ярким, чистым и звонким детским лаем.

Когда я увидел это в первый раз, меня вырвало. В другой раз я набросился на Чингиса с кулаками. И был, конечно, побит. Чингис был меньше, ниже меня, но проворнее и злее. Он встретил меня подлым приёмом, подножкой, а потом сел сверху, схватил меня за волосы и заставил есть глину. А ещё он стал обзывать меня гадким карачаевским словом, которое означало головастика, лягушачьего малька, но звучало очень обидно.

9

Я назвал Чингиса своим соседом, но он жил не в нашем квартале. Рядом, но в другом – через улицу, через дорогу. Наш квартал на окраине одноэтажного городка назывался по-черкесски «лягушачьим хутором», потому что местность была заболочена. Весной здесь громко звучали лягушачьи трели, любовные романсы земноводных. В мелких прудах, канавах и просто лужах обитали мальки, лягушки и жабы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.